

СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ПРИЧАСТИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

Е. Л. ГОЛУБЕВА

В процессе исторического развития синтаксического строя русского литературного языка конструкции с краткими атрибутивными причастиями действительного залога подверглись существенным изменениям. Одни изменения получали свое внешнее, формальное выражение, а другие — выявлялись в системе соотносительных связей конструкций с краткими причастиями с другими типами построений. Предметом пристального внимания стали, главным образом, изменения внешнего характера. Структурные и смысловые соотношения, в которых находились взаимосвязанные конструкции, специально не изучались. Такое исследование важно для понимания особенностей развития синтаксического строя русского литературного языка. Настоящая статья имеет своей целью на материале языка древнерусских памятников XVII века проследить изменения в системе соотношений конструкций с краткими и полными причастиями действительного залога настоящего времени, имевших общее атрибутивное значение.

Процесс разграничения синтаксических функций кратких и полных причастий, начавшийся еще в древности, в XVII веке не был еще завершен. Под влиянием активного воздействия полных причастий краткие ограничивались в атрибутивном употреблении. Количественное убывание кратких атрибутивных причастий сопровождалось все возрастающей употребительностью полных форм. Закономерное соотношение в употреблении кратких и полных причастий наблюдается в большинстве памятников изучаемого периода. С особой отчетливостью это соотношение выражено в языке разных произведений одного и того же автора. Так, например, в «Житии» Аввакума отмечен всего один случай употребления краткого причастия в роли атрибута и 45 примеров с полными причастиями. В другом произведении Аввакума — «Книге бесед» — 25 кратких атрибутивных причастий и 205 полных. Количественное преобладание полных причастий носит регулярный характер и в других памятниках письменности XVII века. В «Ином сказании» в 22 случаях

употребляются краткие причастия и в 81 — полные. В «Сказании» Авраама Палицына кратких причастий 13 и полных 57. В «Житии» царевича Дмитрия (внесенном в «Минеи» Г. Тулупова) в роли атрибута зафиксировано 7 кратких причастий и 49 полных. Краткие причастия выполняют атрибутивную функцию преимущественно в форме винительного падежа, согласованного с именем существительным или местоимением, зависящим от глагола. Например, «Они же *мнеша* его, Бориса, яко сущую правду безъ лукавства къ себе *глаголюща*, и возвѣстиша всемъ утверждение мирства своего» (Како восх 149). «...Чаяху быти его *суща* прироженного своея христианския веры царевича» (там же, 158). «...его же *виде* Иоаннь Богословъ *восходяща* от бездны, *отрачающа* и *претворяюща* солнце во вретиче власяное, и луну въ ровъ...» (Авв Кн 320). «...тот же полковникъ... видитъ юношу млада, воучении ввоинском зело блгочинна иирядна *послушающа* и нимало порока во всем артикуле *имеюща*, и многих старыхъ воиновъ и начальниковъ воучении *превосходяща*, и велми удивися остроумию его» (Сав Гр 32). Второй винительный падеж отмечается преимущественно после глаголов со значением мышления и чувственного восприятия: ведать, мнети (считать, полагать), видеть, слышать, чують, обрести, найти и т. п. В винительном падеже множественного числа краткие атрибутивные причастия в исследованных памятниках отсутствуют. Эту роль выполняют полные причастия. В небольшом количестве случаев краткие причастия функционируют в именительном падеже. Например: «И разделишася на двое вси человеци, все иже *мысляще* лукавне о себе...» (Авр Пал 502). «Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица *паряща*» (Пов об Аз 64). «Падоша тогда высокозданнии домово, иже красотами *блистающеся*...» (Ин ск 124). «А глась красный или светлоорганный *шумяць*...» (Ст о см 1312).

В единичных примерах отмечаются краткие атрибутивные причастия в дательном падеже. См. примеры: «царь бо, не имый сокровища мною и друговъ храбрыхъ подобень есть орлу бесперу и *неимущу* клева и ногтей» (Ин ск 118). «Увы, не внимают апостолу *глаголющу*...» (Авв Кн 265). «Но паки ли речеши ми яко прочии *разлучающу* плоть от божества?» (Авв Кн 343). Количественное убывание кратких атрибутивных причастий сопровождалось сокращением возможностей функционирования их падежных форм.

Сфера бытования кратких атрибутивных причастий отличалась своей ограниченностью. Они сохраняли значение атрибута в узком кругу памятников, написанных книжным языком или отражающих отдельные особенности этого языка.

Зависимость употребления кратких причастий в роли атрибута от стилистических особенностей памятника наиболее заметно выступает при сопоставлении произведений различных стилей одного и того же автора. Если сравнить два произведения Аввакума: «Житие», написанное в стиле безыскусственного рассказа, и «Книгу Бесед» — памятник церковно-полюемического жанра, — то в употреблении кратких причастий

в функции атрибута устанавливается следующее соотношение. В «Житии» краткое причастие — атрибут отмечается в одном лишь примере; в «Книге Бесед» таких примеров — 25. Как бы ни были малочисленны случаи употребления кратких причастий в роли определения, они, как правило, бытуют в тех же стилях и жанрах литературного языка, в которых имеются полные причастия. В тех памятниках, где нет полных причастий, обычно отсутствуют и краткие атрибутивные причастия. Такая отнесенность кратких и полных причастий к одной и той же сфере бытования была свойственна как ранним памятникам древнерусской письменности, так и поздним. Например, в «Русской правде», где отсутствуют краткие причастия в атрибутивном значении, нет ни одного полного причастия¹. В древнейших русских грамотах также не отмечаются краткие атрибутивные причастия, а полные зарегистрированы в 6 примерах. Следует заметить, что из 6 полных причастий, встретившихся в грамотах, 4 не являются показательными, так как они входят в состав застывших формул «царствующий град» и «будущий век». Два других причастия образуют обособленные обороты, которым в списках соответствуют определительные придаточные предложения². Колебания в выборе конструкции с причастным оборотом и определительным предложением в различных списках одной и той же грамоты свидетельствуют о том, что полные причастия, как и краткие, не были свойственны языку древнерусских грамот. Конструкции с соотносительными краткими и полными причастиями с общим определительным значением представлены в «Молении Даниила Заточника». Их широкое употребление С. П. Обнорский объясняет тем, что «облечь извятие мудрых словес «смысленного» автора невозможно было бы без широкого использования причастных образований»³. В оригинальной проповеди (Туровского, Илариона), где значительно шире употребляются краткие атрибутивные причастия, чем в других древних памятниках, бытуют и полные причастия.

Так же, как и в предшествующий период, употребление кратких и полных причастий в роли определения в XVII веке находилось в непосредственной зависимости от жанровых и стилистических особенностей памятников. Деловой письменности были чужды краткие причастия-определения: они почти всегда выступали здесь в значении предикативного обстоятельственного слова. Не отмечаются они и в бытовой речи. Так, например, ни одного краткого причастия в роли атрибута нет в таких памятниках, как «Акты хозяйства Б. И. Морозова», «Сочинение» Котошихина, «Хождение на восток» Ф. И. Котова, письма царя Алексея Михайловича, «Житие» Гагары и т. п. Указанные памятники не содержат также конструкций с полными причастиями. Еди-

¹ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка, М.—Л., 1946, стр. 24.

² В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949, стр. 291—292.

³ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка, М.—Л., 1946, стр. 102—103.

нические случаи употребления полных причастий в деловом и бытовом языке не нарушают общей закономерности еще и по той причине, что причастия здесь имеют специальное (терминологическое) значение. Конструкции с краткими и полными причастиями употребительны только в книжных памятниках: повестях Смутного времени, церковно-полемических произведениях Аввакума и т. п. Например: «А ихъ же свѣдѣть иноковъ, непреходимыхъ отъ места на место, но едином обещании *живуща*» (Авр Пал 510). «Но паки ли речеши ми, яко прочие *разлучающу* плоть отъ божества» (Авв Кн 343). «Придоша же тогда всеа Руския земли велможи... иже во храбростехъ *сияюще* и ратные люди, и всякихъ чиновъ приказные люди...» (Ин сказ 129). «...и зрака образъ, превечнаго ми младенца... пресветлымъ Лукою евангелистомъ воображенъ, милостию *сияющъ*, яко пресветлая заря, исцеление всемъ презობильно подавая» (Плачь о плен 222).

Но и в книжном языке причастия, не ставшие деепричастиями, претерпевают изменения. В памятниках письменности древнего периода конструкции с краткими причастиями были свободны от лексических ограничений. В связи с теми сдвигами, которые происходили в соотношениях кратких и полных причастий, в русском литературном языке XVII века становятся заметными лексико-семантические ограничения. В этот период краткие причастия только в очень небольшом количестве примеров пережиточно сохраняют значение атрибута в узком кругу книжных памятников. Характерно, что и в книжном языке они, как правило, отмечаются в очень близких им даже одинаковых контекстах речи. Конструкции с краткими атрибутивными причастиями фиксируются в случаях, когда в описание реальных фактов вмешивается традиционная фантастика чудес, видений и знамений. Это объясняется сильной зависимостью большинства книжных памятников от устоявшихся образцов средневекового периода.

Следуя установившимся литературным формулам и шаблонам, автор только повторяет их постоянную словесную форму, не внося никаких изменений в грамматические формы.

Примеры: «И востахъ отъ земля и видехъ... Господа Бога моего, *седяща* на престоле, ангелы обстоима и Пречистую Богородицу, надежду нашу и заступницу, одесную престола *стоящу*» (Ин ск 103).

Ср. «востахъ отъ земля и видехъ двери церковныя отверсты и Господа моего, *седяща* на престоле... и Пречистую Богородицу, надежду нашу и заступницу, одесную престола *стоящу*» (Пов о вид 181).

«И видехъ Святую Богородицу *молящуся* сыну своему и Богу нашему и *поклоняющуся* ей до земли» (Ин ск 103).

Ср. «И видехъ Святую Богородицу, *молящуся* сыну своему Богу нашему и *кланяющися* ей до земли» (Пов о вид 181).

«И се видехъ человека *грядуща* ко мне, иже бе знаемъ, и вопрошахъ его» (Ин ск 102).

Ср. «И се видехъ человека, *грядуща* ко мне, иже ми знаем бе, а вопрошахъ его» (Пов о вид 180).

«Онъ же... и всемъ владыки своего Христа смиренно последова, якоже иному *страждущу* от всехъ прилучившихся ему» (Ин ск 7).

Ср. «Онъ же... и во всемъ владыки Христа смиренню последова, якоже иному *страждущу*, о всехъ прилучившихся ему никакоже усумнеся» (ЖД 880).

Этот тип лексических ограничений определяется Н. Ю. Шведовой как «лексическое исключение». Сущность его состоит в том, что «из общей массы разнообразных семантических групп слов, способных участвовать в конструировании той или иной модели, некоторые группы начинают резко — до фразеологизации — ограничиваться или совсем утрачивают способность функционировать в составе данной конструкции, — при сохранении активности других групп»⁴. Конструкциям с краткими атрибутивными причастиями был свойственен еще один вид лексико-семантических ограничений: в их построении участвовали, преимущественно, слова с отвлеченным значением. Например: сотворяюща, отрачающа, претворяюща, свидетельствующа (Авв Кн 320, 337); страждущу, блистающа (Ин ск 7, 124); сетующа, скорбяща, превосходяща (Сав Гр 25, 32). Сужение лексических границ конструкции с краткими причастиями в значении атрибута осуществлялось под активным влиянием соотносительных с ними полных причастий. Лексическое наполнение конструкций с полными причастиями в большинстве случаев было свободно от подобных ограничений. В их построении участвовали полные причастия и с отвлеченным, и с конкретным значением. Рассмотрим некоторые из них.

Лежащий отмечено в следующих значениях:

1. Быть расположенным где-нибудь, иметь где-нибудь местоположение: «Пожаловали есмь... въ Киевскомъ полку селомъ Надиновку, да въ Черниговскомъ полку селомъ Анисово, въ сомне Выбелской *лежащее*, съ землями, съ полями, съ санными покосы, съ озерами и со всеми принадлежностными» (ДАИ VII 99—100). «О, сколь нахальчиф ваш Вульканусъ: не довольствуемъ вами, на суше пребывающими, но и здесь на Непътунусову державу дерзнулъ и едва не въсе суды, в Кунъчукорье *лежащия*, къ ярмоньке с товары въсе пожечь» (Птр I 23).

2. Находящийся, содержащийся в чем-нибудь (абстр., книжн.): «Я, грешный, сице читалъ, а в церковныхъ же книгахъ как относятся во церкви, свидетельствованы, но в *лежащихъ* и не свидетельствованныхъ» (Авв Кн 267). «И аще бы прочитали ихъ со охвотой и внимали *лежащему* в нихъ разуму со усердием бы никогда же хотели услаждатися чюждописанными и несогласными повестми» (Кур Пис 31—32).

Стоящий:

1. Находящийся в вертикальном положении: «И рече: жезлъ *стоящй* положихъ: паки взяхъ — вопрошахъ его коего древа болши — *стоящаго* или лежащаго?» (Ист сем мудр 27).

⁴ Н. Ю. Шведова, Проблема лексических ограничений при изучении синтаксиса, «Вопросы языкознания», М., 1960, № 6, стр. 22.

2. Находящийся, поставленный где-нибудь, занимающий какое-нибудь местоположение (о предметах): «...велможи же предречении они Борисовы рачители, предстоящие ту внутри келии, помаваниемъ рукъ возвестятъ вне келии у окна на крыльце *стоящимъ*» (Ин ск 15).

3. Об образе на иконах: стоящий, изображенный во весь рост: «2 образа Флора и Лаври, длиною въ тужь меру, а въ ширину по полу-аршину, *стоящие*, молящие, один къ десной, другой къ северной стране» (Заб 55).

4. Стоящий — заступающийся, защищающий: «И аще случаемъ взять будетъ на бранехъ... добрый воинъ за истинну *стоящихъ*, той милости сподобляемъ отъ нихъ смерти сохраняемъ» (Авр Пал 1002).

Ходящий:

1. Двигающийся, ступающий ногами: «...да не попирается чтны крта образъ *ходящихъ* ногами» (Сим Пол Бес 46).

2. Пребывающий, живущий: «И узреша всехъ людей сетованнымъ лицомъ *ходящихъ* и черная носящихъ» (Перс 265).

3. Соблюдающий, держащийся (абстр.): «И азъ ти повествую о живущихъ во обыкновении и по нравомъ отцевъ своихъ *ходящихъ*...» (ДРС).

4. Находящийся под властью, подчиненный: «А отъ *ходящего* народа поставити его царемъ».

Текущий:

1. Изливающийся, струящийся в каком-нибудь направлении: «...в городе студенцовъ и *текущихъ* родников много» (Косм 231). «...обе те реки не *текущие*» (Кн бол черт 105).

2. Движущийся: «Человекъ бысть Исусъ Наввинъ, молитвою постави *текущее* солнце» (Авв Кн 243).

3. Будущий (перен.): «...чтобъ те вещественные дела во преди *текущая* лета в вашем в г. царстве были противъ иныхъ окрестныхъ странъ без остановки» (ДАИ X 175).

4. Существующее: «Наказали тое нашу... съ вашимъ царскимъ величествомъ искони *текущую* дружбу объявить...» (Петр I 131).

5. Преходящее, земное: «Истнеишии и похвальнеиши предъ Богомъ братскимъ прозбамъ въ духовныхъ вещахъ уступити, нежели *текущаго* и влекомого держатися...» (Кур Пис 61).

Кипящий:

1. Нагретый до точки кипения: «А соль *кипящую* растолочь» (Кн охот реч 25). «...коли тумпазъ въ *кипящую* воду положить, то вода кипети перестанеть и назадъ его можешь голою рукою вынять» (Леч 155).

2. Нарастать, развиваться с силою (перен.): «Они же окаяннии... оболстивъ отроча и матеръ его ласканиемъ мудрования ихъ *кипящихъ* въ нихъ...» (Пов кн Шах 851).

Большая часть полных причастий в XVII веке оказалась втянутой в процесс субстантивации и адъективации. В зависимости от значения эти причастия разделяются на несколько групп:

1. Причастия как религиозные термины. Это в большинстве случаев субстантивированные причастия категории лица, обозначающие лицо по его отношению к религии (верующий, страждущий, послушающий, надеющийся, заблудший, зломудрствующий и др.).

Принятие на Руси христианства, естественно, должно было сопровождаться утверждением новых принципов морали и нравственности, распространением особых норм общественного и личного поведения, закреплением освященных церковью отношений религиозных, государственных и семейных.

Расширение круга понятий, связанных с христианским миропониманием, привело к установлению целой системы религиозной терминологии, среди которой особое место заняли причастия.

2. Причастия, имевшие значение постоянных эпитетов в метафорах и символах византийского-болгарского происхождения. Сюда относятся адъективированные причастия (обычно, сложные слова). Например: красноцветущее дерево, доброцветущая ветвь, светлотекущее житие, пресветлосияющий государь и т. п.

Употребление постоянных метафорических эпитетов является одной из характерных особенностей книжного стиля.

Связанные по происхождению с византийскими и церковно-славянскими образцами, они используются как отстоявшиеся художественные приемы, закрепленные в постоянной стилистической форме и обязательные в установленном традицией применении. Характерно, что причастия, имевшие значение постоянных метафорических эпитетов, встречаются не во всех жанрах книжного языка, а только в таких, которые отличаются замысловатой украшенностью языка. В сочинениях Аввакума употреблен лишь один метафорический эпитет «лоза присноцветущая» (Авв Пис 394).

Большая часть примеров с постоянными метафорическими эпитетами-причастиями относится к произведениям Смутного времени:

«И повеле ты царскую *младорастущую* и *красноцветущую* ветвь отторгнути» (Ин ск 7).

«...премудрого отрока Феодора Борисовича, аки недовозрастшаго *красноцветущего* финика немилосердно руками отторгнуша» (Ст о см 1294).

«...многих напастныхъ волнъ злбурные ветры востаха на нъ и *доброцветущую* его царства красоту внезапно низложитя» (Ст о см 1284).

«Доколе погубляеши *доброцветущую*... красоту и тщашеся всегда всяцен чести противитися завистию и жизнь ратуеши» (Ст о см 1301).

«Откуда учнемъ плакати, увы, толикаго падения преславныя *ясносияющия* превеликия России?» (Плачь о плен 219).

«...о немъ же нам слово предстоитъ, от благочестиваго корене еже во благочестии *пресветлосияющаго* благовернаго и христалюбиваго царя и великаго князя» (ЖДм 878).

3. Причастия в составе фразеологических оборотов церковно-славянского происхождения типа: «царствующий град», «будущий век». В составе этих оборотов причастия подвергаются адъективации и имеют значение: первое — столный, второе — загробный:

«Уже бо разлучишася от святыхъ zde и в *будущемъ веце*» (Авв Чел 725). «А буде сие писмо лживо написати повеле, и я буду анафема *въ семъ веце и въ будущемъ...*» (Жит Гаг 45). «...а мы, милостию божию и отца нашего великаго государя святейшего Никона архиепископа *царствующаго великаго града* Москвы...» (Пис рус гос 59). «...и намъ бы мощи благовернаго царевича князя Димитрия Ивановича перенести в *царствующий град* Москву» (Ин ск 83).

4. Причастия, входящие в цитаты из книг священного писания.

«Авторитарность средневекового мировоззрения, — пишет Д. С. Лихачев, — требовала подкрепления той или иной мысли, высказанной автором в его произведении, цитатой из авторитетного источника»⁵. Наиболее выразительные из таких цитат постепенно утрачивали свою отнесенность к определенному источнику и превращались в фразеологические единицы, готовые к употреблению в тех жанрах и стилях литературного языка, которые так или иначе были связаны с христианским мировоззрением. Вследствие этого, сфера их употребления ограничивалась узкими рамками книжных стилей. Начиная с XVI века и особенно в XVII веке в сложившиеся модели начинают вливаться семантические группы слов, не связанные с церковностью. Отличительная особенность новых образований, содержащих полные причастия, состоит в том, что по своему значению они далеко отходят от церковнославянских образцов. Это явление не было случайным.

Новообразования в русском языке появились в связи с непрерывным расширением его словарного состава, они возникали из необходимости пополнения терминологии, в которой нуждалось молодое национализирующееся государство.

Широкое использование полные причастия получили в сложных терминах, относящихся к различным сферам жизни исследуемого периода. Среди них особое место занимают сложные термины, которые обозначали всевозможные виды деловых документов. Например:

«*Гулящий человек*», «*гулящие люди*» — не имеющий (-ие) хозяйства, не прикрепленный (-ые) к определенному месту жительства: «...а прибирали служивых людей из *гулящих* охочих добрых людей, не воров...» (Мил Ист Сиб 430). «...которые, государь, люди перед нами, холопами твоими, вольными и писались, и те государь, люди сказывались *гулящими* вольными *людьми*, а не боярскими кабальными *людьми*

⁵ Д. С. Лихачев, История культуры древней Руси, т. II, раздел «Литература», М.—Л., 1954, стр. 170.

крестьяны» (Дон д 881). «...гулящему человеку Кузьме Евстратову государева жалованья... 16 алт. 4 д. дано» (Кн Турм).

«**Гулящий**» употреблялось также в значении «бездомный», «беспризорный»: «...И тем людям такожде указы бы дать, чтоб им повально было гулящих робят мужеска пола и женска имать и учить, а науча владети ими вечно» (ДРС). «А я холоп твой тое жонку на Устюге Великом принял гулящую к себе во двор, а хочу на нее взять служилую кабалу» (Акт Холм 230).

«**Гулящий**» имело значение «свободный от работы»: «Ныне один лекарь Иван... на Москве в гулящих» (Мат мед 867). «Соловецкий монастырь, место пустынное, и чтеславица и щеголять слугам не дойдет — без трудов никто не живет, а гулящих слуг не бывало» (Суб 57).

«**Гулящий**» в памятниках письменности XVII в. употребляется для обозначения свободных от работы дней и месяцев: «Плачено работным людям по алтыну на день окроме гулящих дней» (Мат слов др яз Арх Онеж мон 1658). «...живем мы холопи ваши жилые и гулящие месяцы без переменно, платьишком холопи ваши ободрались и сапоженки обножились» (Мат слов др яз Арх Петр I, 1683, 40)⁶.

«**Гулящий делом**» — без какого-либо определенного дела: «И после того я Севастьянко сошел в Сибирские города в 125 году гулящим делом» (ДАИ IV 179).

«**Гулящая земля**» — пустующая земля:

«...называючи пустыю гулящей землею» (Мат Ист Моск 104)⁷.

Слово гулящий в XVIII веке постепенно стало утрачивать часть своих старых значений и укрепилось в новых, засвидетельствованных Словарем 1731 года, значениях.

Приводим эти значения:

Гулящий — праздник (Лекс. 1731 г., 426).

Гулящий — туняец, волокита, шатун, бездельник, беспутник, ни к чему негодный, непотребный человек (Лекс. 1731 г., 426).

В памятниках письменности XVIII века встречаются примеры, в которых «гулящий» употребляется в значениях, не отмеченных Словарем 1731 года. Так как в Словаре хорошо представлен материал живой, обиходной речи, то можно считать, что значения слова «гулящий», не указанные в нем, уже далеко отошли от норм литературного употребления.

Приведем примеры, в которых слово «гулящий» употребляется в значениях, не отмеченных Словарем 1731 года:

Гулящий — не имеющий хозяйства, не прикрепленный к определенному месту жительства: «А по переписке на той речке Багмуте жители... суздаец гулящий человек I, боярской крестьянин I» (ДРС). «Гулящих людей по тому ж надобно всех взять, если кто не стар, в

⁶ Ср. «Завтра праздник — воскресенье, День гулящий, веселящий будет нам» (ДРС).

⁷ Ср. употребление гулящий в памятниках письменности до XVII в.: «...а у вас там людей гулящих есть, да и подорожные грамоты у вас есть же» (Пам Дипл Анг 239).

солдаты, а других в работу мочно употребить» (Мат слов др яз Петр I IV 190).

Гулящий — праздничный, нерабочий:

«Зело мне нужьда видетца с тобою, так же тебе *здесь нужда посмотреть, а зафътра *день гулящий*» (Птр II 221).

Гулящий — свободный, незанятый (о месте):

«...он был первой, который избрал 300 таких кавалеров, чтобы наполнить *места гулящие* в сенате...» (А. Шхонб. I М., 1710).

Верующая грамота — грамота, удостоверяющая данное поручение:

«В. государя грамота к Полскому королю *верующая*...» (АЮБ II 1698). «Да Ивану же Гебдону велено взяти по *верующей грамоте*, в Амстердаме у гостей 20000 или 30000 рублей» (Мат слов др яз Гебд 1660 50)⁸.

В памятниках письменности XVIII века наряду со словом «верующий» — о грамоте, письме, удостоверяющих что-либо, — употребляется новый термин: верительная грамота, верительное письмо.

В Словарях 1789 г. и 1809 г. «верительный» приведено с пометой «редко употребляемый». Нормой признается: «*верующая грамота, верующее письмо*».

В Словарях акад. 1834, 1847, 1895, Русской Энциклопедии 1911 года слово «верительный» (о письме, грамоте) помещено уже без пометы «редко употребляемый».

В этих же Словарях находится слово «верующий», которое имеет то же значение, что и «верительный».

В «Дополнении к опыту великорусского словаря» рядом со словом «верующий» сделана помета «областное» («Доверенное лицо со стороны крестьян, обязанное быть при производстве каких-либо действий, сопряженных с издержками и ответственностью общества»).

В современном русском литературном языке слово «верующий» в терминологическом значении не употребляется. Вместо него широкое распространение получило слово «доверенность» (доверенное лицо).

В памятниках письменности XVII века в ряде сложных терминов употреблялось причастие *живущий*.

«**Живущий**» — служило для обозначения всего действующего, подлежащего обложению: «...и с *живущие пашни* государевы всякие волостные подати платити» (Гр кр 249). «И тех денег на полтора годы в *живущего тягла* взято в монастырскую казну 122 р. 27 ал.» (там же). «...на *живущие участки*» (АЮБ II 52).

⁸ Ср. примеры до XVII века: «...и онъ мне приказал ему государю *грамоту* свою верующую подати» (Пам дипл Крым 1517, 7). «...И после того Федор подал от гдря королеве *верующую грамоту*» (Пам дипл Англ 1582 г., 30). Лист *верующий* — верительная грамота: «Ино нынечи послали Полоцькыи бояре и мешане... свои послы Полоцькыи ис *верующим листом*» (Дог. гр Пол с Риг. 1478) «...приехал до нас посол твой... и *лист наш верующий* от твоей высоты подал» (СГГД V 1489). Ярлык *верующий* — верительный документ: «Так же... пислан ко мне с ким *ярлык верующий*» (Пам дипл Крым 1516, 7). *Верующий человек* — доверенное лицо: «...и нам бы еси своим *верующим человеком* свою дружбу и братство и правду объявить» (Пам дипл Крым 1516, 249).

«Живущий» — обитаемый, населенный: «И всего за Данилом Мотякиным, пол сельца живущего, да пол пустоши...» (Пер кн Ряз 72). «И всего за Кузьмою пол деревни живущие, а в ней двор помещиков» (Пер кн Моск 121). «...и убыло из живущего в пусто по Третьякову дозору Зайцова перед Якимовым письмом Раманова дватцать восемь варниц» (Гр Кольск 1608/9 гг. 480).

Живущая мазь — целебное, заживляющее средство: «Начало маземъ различным живущимъ къ ранам сеченым стрелнымъ» (Леч IV). «Мазь живущая ранамъ сеченымъ и стрелнымъ и болячкамъ гнилцомъ» (Леч 10).

Пиющее зелие — лекарственное питье: «Пиющее зелие рядити къ мой же болезни» (Леч 6).

В составе сложных терминов полные причастия вступают в различные семантические отношения с другими компонентами. Семантическая связь между элементами становится настолько тесной, что значение их меняется, делается фразеологически связанным. Такая фразеологизация не является следствием лексико-семантического ограничения разрушающейся модели. Ограничение словесного наполнения («лексическое исключение») в конструкциях с краткими причастиями возникло в результате того, что они утрачивали способность употребляться в атрибутивной роли. Что же касается устойчивых сочетаний с полными причастиями, ставшими терминами, то они образовывали продуктивные типы построений, которые свободно наполнялись словами различных семантических групп.

Стилистическая ограниченность полных причастий, вытеснивших из употребления краткие атрибутивные причастия, объясняется источником их происхождения. Судя по замечаниям М. В. Ломоносова, самая возможность глагола образовывать причастия служила в XVIII веке критерием для отнесения его к церковнославянизмам. Однако, следуя за Л. А. Булаховским, можно сказать, что «...возбуждение извне — повод для развертывания своего, и спрашивать надо не только о том, что и от кого заимствовано, сколько о том, что создано, что прибавлено в результате деятельности возбужденной соответственным толчком или толчками от других»⁹.

Даже стилистически ограниченное функционирование в русском литературном языке полных причастий, заимствованных из старославянского, обязательно должно было привести к изменению соотношений элементов языковой системы. В русском литературном языке XVII века полные причастия, в основном, вытеснили соотносительные краткие причастия из атрибутивного употребления и стали активно участвовать в организации синтаксиса письменной речи.

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Rusų kalbos katedra

Iteikta
1961 m. balandžio mėn.

⁹ Л. А. Булаховский, Лингвистическое наследство А. А. Потебни, «Русский язык в школе», 1952, № 2, стр. 75.

СОКРАЩЕНИЯ

- Авв Жит — Житие пророка Аввакума, им самим написанное; в кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. I, Русская историческая библиотека, т. 39, Л., 1927.
- Авв Кн — Аввакум, Книга бесед, там же.
- Авв Пис — Аввакум, Письма, там же.
- Авв Посл — Аввакум, Послания, там же.
- Авв Чел — Аввакум, Челобитные, там же.
- Авр Пал — Сказание Авраамия Палицына, в кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, Русская историческая библиотека, т. 13, СПб, 1891.
- Акт Холм — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, Русская историческая библиотека, т. 12 и 14.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археографическою комиссиею под ред. члена комиссии Николая Калачова, т. III, СПб, 1884.
- Гр кр — Памятники истории крестьян XIV—XIX вв., изд. Н. Н. Ключкова, М., 1910.
- ДАИ — Дополнение к Актам Историческим, собр. к изд. Археографическою комиссиею, СПб, 1847—1872.
- ДРС — Картоотека словаря древнерусского языка, М., Институт русского языка АН СССР.
- Жит Гаг — Житие и хождение в Иерусалим и в Египет казанце Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг., Православный Палестинский сборник, т. XI, вып. 3, СПб, 1891.
- ЖДм — Житие царевича Димитрия Иоанновича, в кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб, 1891.
- Заб — И. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I, изд. 3, М., 1895.
- Ин ск — Так называемое Иное сказание, в кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб, 1891.
- Ист сем мудр — История семи мудрецов, Изд. ОЛДН, тт. 29 и 35, вып. I, СПб, 1878.
- Како восх — Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов, в кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб, 1891.
- Кн бол черт — Книга большому чертежу или древняя карта Русского государства 1627 г., Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- Косм — Космография 1670 г., изд. Общества любителей древней письменности, СПб, 1878—1881.
- Кот — О России в царствование Алексея Михайловича, Современное сочинение Григория Котошихина, СПб, 1840.
- Кур Пис — Курбский, Письма, в кн.: Сочинения князя Курбского, т. I, Русская историческая библиотека, т. 31, СПб, 1914.
- Леч — М. Ю. Лахтин, Старинные памятники медицинской письменности, М., 1911.
- Мат слов др яз — Материалы словаря древнерусского языка.
- Пам дипл Англ — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией, т. II, Сб. Русского Исторического общества, т. 38, СПб, 1883.

- Пам дипл Крым — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею, Сб. Русского историч. общества, М., 95, СПб, 1895.
- Перс — Чудо пресвятыя богородицы о царевне Персике, в кн.: В. В. Сиповский, Русские повести XVII—XVIII вв., СПб, 1905.
- Пис рус гос — Письма русских государей, т. I, М., 1848.
- Плачь о плен — Плачь о пленении и о конечном разорении Московского государства, Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб, 1891.
- Пов кн Шах — Повести князя Ивана Михайловича Шаховского, Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб, 1891.
- Пов о вид — Повесть о видении мниху Варлааму в Великом Новгороде, там же.
- Сав Гр — Повесть о Савве Грудцине, в кн.: Русские повести XVII—XVIII вв., под редакцией В. В. Сиповского, СПб, 1905.
- Ст о см — Статья о смуте, Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб, 1891.

Примечание: По техническим причинам в древнерусском тексте опущены титла, вместо буквы «ямь» напечатано «е», вместо юсов большого и малого — «у», «я».

VEIKIAMOSIOS RŪŠIES ĮVARDŽIUOTINIŲ IR NEĮVARDŽIUOTINIŲ DALYVIŲ SANTYKIAI XVII AMŽIAUS RUSŲ LITERATŪRINĖJE KALBOJE

E. GOLUBEVA

Reziumė

Tiek struktūriniu požiūriu, tiek ir reikšmės atžvilgiu veikiamosios rūšies įvardžiuotiniai ir neįvardžiuotiniai dalyviai XVII a. rusų literatūrinėje kalboje buvo tarpusavy glaudžiai susiję. Įvardžiuotiniai dalyviai palaipsniui išstumia iš kalbos neįvardžiuotinius dalyvius. Struktūriniai ir prasminiai pakitimai, kurie pastebimi jau pirmuose rusų kalbos paminkluose, pasireiškia neįvardžiuotinių atributyvinių dalyvių kiekybiniu sumažėjimu ir jų vartojimo sferos susiaurėjimu. Esminių pakitimų pasekmėje tik nedaugelis žodžių su ribota reikšme galėjo būti vartojami konstrukcijose su atributyviniais neįvardžiuotiniais dalyviais. Pakito ir įvardžiuotinių dalyvių vartojimas. Daugelis jų pavirto daiktavardžiais ar būdvardžiais ir buvo vartojami kaip terminai įvairiuose literatūrinės kalbos stiliuose. Tokiu būdu XVII a. rusų literatūrinėje kalboje įvardžiuotiniai dalyviai pradėta plačiai vartoti pažyminiais, beveik visiškai atsisakant neįvardžiuotinių dalyvių.